

Евгений Викторович Тарле

(1875—1955)

Тарле Евгений Викторович, русский советский историк, академик АН СССР. Окончил в 1896 г. историко-филологический факультет Киевского университета. В 1911 г. защитил докторскую диссертацию «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». После Октябрьской революции 1917 г. в книге «Европа в эпоху империализма» Тарле сделал первую попытку исторически осмыслить предысторию и историю Первой мировой войны. В 30-е гг. Тарле создал ряд трудов по военной истории. В книгах «Наполеон» и «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год» глубоко раскрыл патриотизм русского народа. Накануне и в годы Великой Отечественной войны написал работы о выдающихся русских полководцах и флотоводцах: М. И. Кутузове, Ф. Ф. Ушакове, П. С. Нахимове и др. В 1941—1943 гг. опубликовал двухтомный труд «Крымская война», в котором раскрыл дипломатическую историю войны, ее ход и итоги. В 1945 г. опубликовал труд «Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769—1774», а в 1949 г. — «Русский флот и внешняя политика Петра I». Участник многих международных конгрессов историков, Тарле был избран почетным доктором университетов в Брно, Праге, Осло, Алжире, Сорбонне, членом-корреспондентом Британской академии для поощрения исторических, философских и филологических наук, действительным членом Норвежской академии наук и Филадельфийской академии политических и социальных наук. Историк с мировым именем, десятки его работ переведены на иностранные языки.

*Евгений Викторович
Тарле*

МОРСКИЕ ПОБЕДЫ РОССИИ

Иллюстрированное издание

Москва
2025

Тарле, Евгений Викторович.
Т20 Морские победы России / Е. В. Тарле. — Москва : Эксмо, 2025. — 544 с. : ил. — (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

ISBN 978-5-04-226923-3

Автор этой книги — один из самых знаменитых российских историков XX века, академик Евгений Викторович Тарле (1874–1955) — оставил в отечественной и мировой науке яркий след. Российская историческая наука XX века не знает более звучного имени, чем имя Е. В. Тарле. Его труды отличает уникальное сочетание глубокого интеллектуального содержания и блестящего писательского мастерства, таланта масштабной исторической живописи. Присущее академику Тарле умение сочетать интереснейший фактический материал с научно-художественными обобщениями и увлекательно раскрыть подоплеку политических событий, захватив широкий исторический ландшафт, принесли историку небывалый успех у читающей публики.

Это издание посвящено славной истории российского флота, от истоков его формирования в царствование Петра Великого до героических баталей Крымской войны во времена Николая I. Имена отечественных флотоводцев — честь и слава Российской империи: Г. А. Спиридов, Д. Н. Сенявин, Ф. Ф. Ушаков, П. С. Нахимов, блистательная плеяда адмиралов, офицеров и матросов Императорского флота. Их беспримерный подвиг, благородство и героизм навеки записаны в анналы мировой истории. Издание сопровождается многочисленными иллюстрациями, комментариями и картами. Богатство фактического материала, глубина исследования и достоверные иллюстрации делают книгу Е. В. Тарле настоящим подарком всем, кто гордится героическим прошлым нашего Отечества.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

От Издательства

Творческое наследие академика Евгения Викторовича Тарле огромно. Плодотворная научная деятельность историка продолжалась более шестидесяти лет. За это время им было создано около 50 монографий и свыше тысячи статей. Присущее академику Тарле умение сочетать интереснейший фактический материал с научно-художественными обобщениями и увлекательно раскрыть подоплеку политических событий, захватив широкий исторический ландшафт, принесли историку небывалый успех у читающей публики.

Российская историческая наука XX века не знает более звучного имени, чем имя Тарле. Его труды по истории международных отношений, экономики, политики, общественной мысли, культуры разных стран и народов получили признание не только у нас в стране, но и за рубежом. Первое в мировой науке исследование экономической истории Европы периода наполеоновских войн «Континентальная блокада»; самая популярная книга академика — «Наполеон»; фундаментальные труды «Европа в эпоху империализма» и «Крымская война»; биография Талейрана до сих пор остаются блестящими памятниками исторической мысли, сохранившими свое непреходящее значение и в наше время. В список высочайших достижений историка входят и монографии об экспедициях русских военных моряков. Все эти исследования не только утвердили международный научный авторитет Е. В. Тарле как специалиста в области изучения европейской истории, но и принесли ему мировую славу автора эпохальных исторических бестселлеров.

* * *

Предлагаемая читателю книга посвящена самым ярким страницам истории Российского флота — от начинаний Петра I до морских триумфов России и возвышения нашей страны среди великих европейских держав.

Флот для России был необходим ровно настолько, насколько она желала быть открытой миру и вплетенной в систему равновеликих международных отношений. Выход к Балтийскому морю — не причуда Петра I, а жизненная необходимость, сбрасывать со счетов которую более не было возможно.

Раскрывая эту ситуацию — предысторию формирования России как мировой морской державы, — Е. В. Тарле не умалчивает о тех трудностях и лишениях, которые в связи с этим выпали на долю русского народа. Экстенсивное ведение крепостного хозяйства, бунты, голод, эпидемии — таковыми были условия морского старта России, но на их фоне были и неустанный труд, самоотверженность, верность избранному пути созидания новой могущественной страны.

Успех морского строительства неразрывно связан с личностью самого Петра I — блестящего стратега, флотоводца, проницательного дипломата, законодателя и администратора. И примечательно, что дело реформатора было продолжено его

преемниками, т. е. колоссальные усилия русского народа, создавшего могучую морскую силу, оказались не напрасными.

«Тарле видит выдающуюся роль Петра I в том, что он сумел уловить и понять исторические условия и основную задачу русской внешней политики России во время, когда началось его царствование, и в умении разрешить ее — отвоевать выход к Балтийскому морю. Кроме того, он подчеркивает заслуги Петра I как видного военного деятеля и полководца» (Е. И. Чапкевич).

В книге «Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг» описываются Чесменское сражение и первая экспедиция русского Балтийского флота в Архипелаг — так в те времена называли острова Эгейского моря — во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов. Изложены подробности битвы в Чесменской бухте на западном побережье Анатолии, где русский флот одержал победу над превосходящими силами Османской империи; битва закончилась уничтожением всего турецкого флота.

В книге Тарле подробно излагаются этапы военной кампании, когда русские корабли, не имеющие никаких собственных морских баз, вошли в Средиземное море, обогнув все побережье Западной Европы. Этот опаснейший поход, который мог закончиться катастрофой, завершился блистательной победой. Показано, что победа при Чесме и вся экспедиция в Архипелаг стали результатом блестящих боевых качеств русского флота и оперативности отечественной дипломатии.

В книге «Адмирал Ушаков на Средиземном море» Е. В. Тарле освещает события 1798–1880 годов в Средиземноморье, когда самоотверженными действиями эскадры Черноморского флота под руководством адмирала Федора Федоровича Ушакова были освобождены захваченные Наполеоном Ионические острова близ побережья Греции, восстановлена на острове Корфу православная епархия и создана республика Семи Ионических островов, ставшая первым независимым греческим государством Нового времени.

«Исторический интерес, который представляет Средиземноморская экспедиция Ушакова, конечно, гораздо значительнее, чем интерес чисто биографический. В высшей степени важную роль сыграло это второе (после Чесмы) появление русских военно-морских сил на Средиземном море, причем действовал на этот раз уже не Балтийский, а совсем юный Черноморский флот» (Е. В. Тарле).

Ф. Ф. Ушаков считается одним из самых выдающихся русских адмиралов и героев военной истории. В книге подробно описывается его стратегия и тактика ведения морской войны, взаимодействие с союзниками и противниками и способность адмирала быстро адаптироваться к различным ситуациям. Через призму жизни Ушакова автор раскрывает сложности политической и военной ситуации в то время, включая проблемы с Францией, Англией и Османской империей.

«Адмирал Ушаков на Средиземном море» — это еще и история идеалов, чести и доблести, которыми руководствовался Ушаков в своей службе. Книга показывает важность морских достижений адмирала и их влияние на развитие мировой морской силы и российского флота.

Книга «Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805–1807)» посвящена третьему победоносному появлению русских вооруженных сил в Средиземном море. «Поход Орлова — Спиридова, окончившийся уничтожением турецкого флота под Чесмой и четырехлетним господством русского флага на Архипелаге, не менее победоносный поход Ушакова, освободившего Ионические острова и прославившего русский флот штурмом и взятием Корфу, наконец, поход Сенявина с его сухопутными и морскими победами — все эти исторические деяния... имели своим результатом зарождение и укрепление дружеских чувств не только среди балканских славян, но и среди греков к далекому от них географически, но близкому им по их симпатиям русскому народу» (Е. В. Тарле).

Все три экспедиции имели огромное значение для морской и дипломатической истории России. Д. Н. Сенявин участвовал и во второй, и в третьей. В качестве главнокомандующего он выступил на историческое поприще в самостоятельной роли в третьей экспедиции.

Дмитрий Николаевич Сенявин был потомственным флотоводцем. В его карьере морского офицера много славных подвигов, среди которых — участие в экспедиции русской эскадры в начале 80-х гг. XVIII в., отправленной к берегам Португалии для поддержания вооруженного нейтралитета во время войны за независимость США; успешная осада Очакова (вторая половина 1788 г.), диверсия у берегов Малой Азии: уничтожение около десятка турецких торговых судов и умение отвлечь внимание турецкого флота от района боевых действий. Во время войны Второй коалиции с Францией в чине капитана

Чесменское сражение.

Гравюра XIX в. по картине Ричарда Пэйтона. 1770 г. Фрагмент

1-го ранга Д. Н. Сенявин командовал линейным кораблем «Св. Петр» и участвовал в походе эскадры Ф. Ф. Ушакова в Средиземное море.

Е. В. Тарле подробно освещает дипломатическую миссию Д. Н. Сенявина в русско-французских отношениях начала XIX в. Отказ французов от Ионических островов и южноитальянских владений как своей главной базы военных предприятий против Турции — прямая заслуга русского флотоводца. Прискорбно, что прямой выгодой от миссии Д. Н. Сенявина Россия так и не воспользовалась, ибо именно в это время шли кровопролитные северные бои — при Пултуске, Прейсиш-Эйлау и Гейльсберге.

В своей работе Е. В. Тарле использовал уникальные и никогда ранее не публиковавшиеся документы, относящиеся к началу XIX в.

Завершает предлагаемую читателю книгу работа, посвященная обороне и защите Севастополя во времена Крымской войны (1853—1856). В этой войне Россия стремилась обезопасить южные границы, обеспечить свое влияние на Балканах и установить контроль над черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы, что было важно и с военной, и с экономической точки зрения. Однако, несмотря на наличие планов решительных военных действий, предусматривающих десанты в черноморские проливы и турецкие порты, был принят план, который предусматривал лишь занятие русскими войсками Дунайских княжеств. Согласно этому плану русские войска не должны были переправляться через Дунай и должны были избегать столкновений с турецкой армией. Считалось, что такая «мирно-военная» демонстрация силы принудит турок к принятию российских требований.

Севастополь не случайно стал центром событий. Черноморский русский флот, главная база которого находилась в Севастополе, должен был рано или поздно оказаться главной целью нападения со стороны враждебной России коалиции

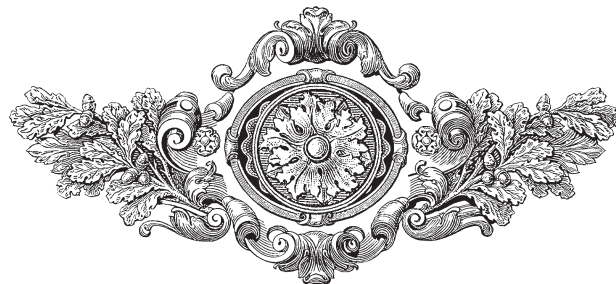
западных стран в 1853—1855 гг., и взятие Севастополя с последующим уничтожением русского флота было бы самым сильным ударом, который можно было нанести южной окраине России.

Многие защитники города были моряками, и «гением» обороны являлся генерал Тотлебен, военный инженер. Пережив зиму, к которой они были плохо подготовлены, союзники бросились в морскую атаку и вошли в Азовское море, к востоку от Крыма. В июне французы безуспешно атаковали редуты, но штурм Большого Редана британскими силами обернулся поражением. После последней и тщетной русской попытки освобождения Севастополя, последующим вторичным британским штурмом Редана, французы под командованием маршала Пелисье захватили башню Малахова. Поражение русских стало теперь уже неотвратимым.

Одной из причин военной слабости России в начинавшемся жестоком столкновении с союзом первостепенных европейских держав была незначительность ее военно-морских сил.

В октябре войну России объявила Турция, а 18 (30) ноября 1853 г. русская эскадра под начальством адмирала Нахимова атаковала турецкую эскадру, укрывшуюся в Синопском порту (в турецкой провинции Анатолии) на Черном море, разгромила и потопила ее. В марте 1854 г. последовало почти одновременно объявление войны России со стороны Англии и Франции.

По мнению Е. В. Тарле «экономическая, политическая, государственно-организационная, политическая отсталость царской России привела к поражению русской империи в Крымскую войну, и отрицать это было бы совершенно бесцельным уклонением от исторической истины». Но так же бессмысленно было бы отрицать героизм русских защитников, их самоотверженные подвиги и бесконечную готовность отдать свою жизнь во славу и процветание родного Отечества.

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
И ШВЕДСКОЕ НАШЕСТВИЕ
НА РОССИЮ

Западные границы России во второй половине XVII века.
Из «Учебного атласа по русской истории» Е. Е. Замысловского. 1869 г.

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА ДО ВТОРЖЕНИЯ ШВЕДСКОЙ АРМИИ В ПРЕДЕЛЫ РОССИИ*

Насильственное отторжение от России ее приморских владений началось с конца XVI столетия. Борьба Ивана Грозного за доступ русского народа к морю не увенчалась успехом и окончилась потерей очень ценной территории.

Фриксель и другие шведские историки не правы, когда говорят, что Ингрия (Ингерманландия) была в свое время первой территорией, захваченной шведами у русских. Ингрия (старая новгородская Водская пятина) была захвачена шведами лишь по Столбовскому договору 1617 г. А еще в 1595 г. по русско-шведскому мирному договору, заключенному 10 мая 1595 г. в г. Тявзине, русские принуждены были, несмотря на свои протесты, «уступить княжество Эстляндию» «со всеми замками, которые суть: Нарва, Ревель, Вейсенштейн» и т. д. Только в 1703–1704 гг., вслед за Ингрией, наступила очередь Эстляндии (Эстонии), и она в процессе продолжающейся Северной войны была возвращена России...

Нужно заметить, что предшественники Карла XII на шведском престоле — и Карл IX и Густав Адольф, приходившие в столкновение с Россией в самый критический момент ее существования, в разгаре разрухи Смутного времени и в первые годы после воцарения Михаила, никогда не осмеливались ставить перед собой ту задачу, которую поставил перед Швецией Карл XII, хотя нет никакого сравнения между тяжким экономическим и политическим положением Русского государства в первые годы XVII в. и начинавшимся могуществом быстро шедшей вперед петровской России.

Те короли, при которых создавалось и крепло шведское великодержавие, непохожи были в своем отношении к России на того, которому суждено было навеки похоронить это великодержавие под Полтавой. Когда, например, Карл IX решил в первые годы XVII в. воспользоваться затруднительным положением русского правительства, то расчеты его не шли дальше стремления утвердить шведские позиции на Прибалтике, овладеть городом Корелой (Кексгольмом) и установить влияние шведов в Новгородской земле. И вместе с тем его знаменитое письмо к Василию Шуйскому и дальнейшие его обращения к царю сулили военный союз и помощь Швеции для борьбы против грозной опасности со стороны Сигизмунда III, ничуть не отказавшегося от программы обширнейшей агрессии против восточного соседа.

* Из книги «Северная война и шведское нашествие на Россию».

По мере усиления разрухи в Русском государстве аппетита Карла IX, конечно, росли, он уже думал о прямом завоевании Новгородской земли, но никогда не выдвигал и мысли о завоевании или даже хотя бы установлении вассалитета Московского царства. И когда после овладения Новгородом шведское правительство, воспользовавшись «вакантным» состоянием московского престола после падения Шуйского, задумало домогаться избрания на царство принца шведского Карла Филиппа, то шведский король Густав Адольф, преемник Карла IX, всячески стремился удостоверить русских своих контрагентов, что брат его Карл Филипп в случае избрания будет совершенно самостоятельным от Швеции русским царем, и русский народ нисколько не утратит своего суверенитета. Уже завоеванный шведами Новгород они рассчитывали оставить за собой, но о покорении или вассалитете остальной России не было и речи.

Правда, из кандидатуры Карла Филиппа ничего не вышло, и шведы натолкнулись на упорное противодействие русского населения. Но мы не будем дальше на этом останавливаться. Нам важно было лишь отметить, во-первых, то обстоятельство, что шведам уже в начале XVII столетия пришлось испытать русское народное сопротивление всяким попыткам агрессии и захватов русской земли, а во-вторых, подчеркнуть, что шведские правители начала XVII в., в том числе Густав Адольф, у которого хватило сил победоносно пройти через всю Центральную Европу и грозить существованию Габсбургской монархии, все-таки никогда не увлекались мечтой о триумфальном въезде в Москву и разрушении Русского государства.

Когда в январе 1617 г. начались русско-шведские мирные переговоры, то русские представители уже со второго совещания (7 января) потребовали возвращения Ливонии, заявляя, что она «за нами от прародителей государей наших, от государя Георгия Ярославла Володимировича,

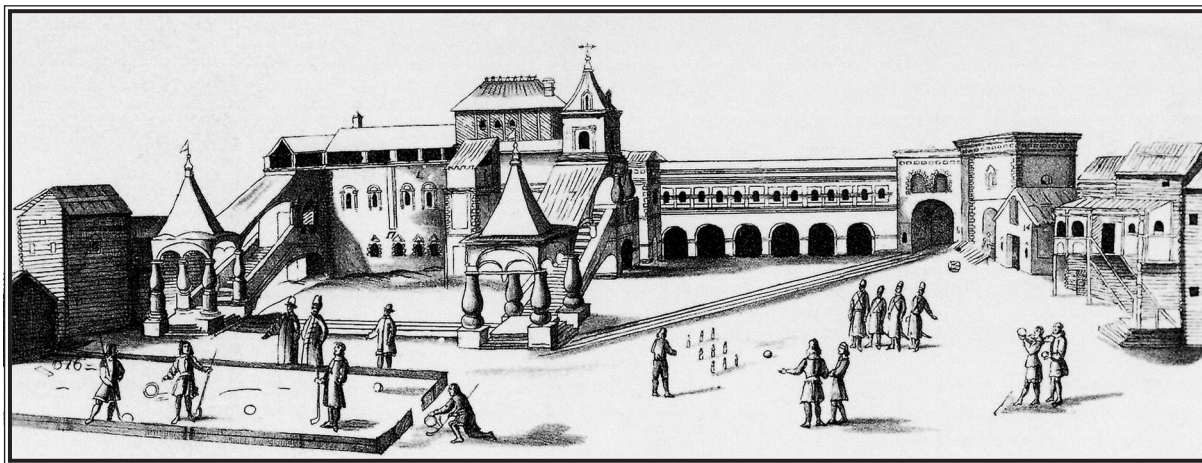

Густав Адольф, король Шведский.
Гравюра Якоба Виллемса Делфта
по портрету Михила Янса
ван Миревелта. 1630 г.

который построил Юрьев Ливонский в свое время». А шведы на это ответили насмешкой: «Ливонских городов вам за государем своим не видать, что ушей своих». Русские твердили, что Ям, Копорье, Ивангород, Юрьев (Дерпт), Ругодив (Нарва), Орешек (позднейший Нотебург-Шлиссельбург) — города русские, и от них Русское царство не отступится, и от Корелы (Кекегольма) тоже не хотели отказаться. Но отказаться все-таки пришлось, слишком еще слабо было московское правительство после страшных десятилетних смут и потрясений 1603–1613 гг., чтобы отстоять вооруженной рукой русское народное достояние от захвата чужеземцами. Из-

девательства шведов во время этих долгих переговоров, начавшихся в Дедерине и кончившихся в Столбове 27 февраля 1617 г., показывали, что никакого значения угрозам московских правителей шведы не придавали.

Король Густав Адольф торжественно поздравил собравшийся в Стокгольме риксдаг 26 августа 1617 г. с победоносным для Швеции мирным договором, подписанным в Столбове. В русской исторической литературе имеются два варианта речи, якобы произнесенной перед представителями сословий королем, — один вариант принадлежит С. М. Соловьеву («История России», изд. 3, т. II, стр. 1131), а другой (не похожий во многом) — Г. В. Форстену («Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях». СПб., 1894, т. II, стр. 148–149). Ни тот, ни другой исследователь не дают никаких указаний на источник. С. М. Соловьев шведскими материалами не пользовался никогда и, очевидно, доверился Н. Лыжину¹. Форстен не только знал шведский язык, но в другом месте своей книги и по другому поводу даже называет единственный источник, на который должно было бы сослаться в данном случае — собрание писем, указов, речей, распоряжений, оставшихся от Густава Адольфа и опубликованных в 1861 г.² Но в этом сборнике вовсе нет ни приводимого Лыжиным и Соловьевым, ни приводимого Форстеном варианта. Форстенский вариант, во всяком случае, ближе напоминает слова Густава

Внутренность Посольского двора в Китай-городе в Москве.

Иллюстрация из альбома посла Священной Римской империи барона Августина фон Мейерберга. 1661 г.

Адольфа, чем вариант Лыжина и Соловьева, хотя и Форстен тоже вложил в уста короля кое-что, чего тот вовсе не говорил. Форстен составил свой отрывок из взятых в разных частях документа слов короля. Конечно, говоря об этом важном документе, мы должны, оставляя в стороне оба эти скомпонованные мнимые варианта речи, сообщить читателю основные мысли Густава Адольфа, прямо относящиеся к нашей теме и выказанные им на самом деле в более деловом тоне.

Король прежде всего поздравляет членов риксдага с «великолепной победой», «великолепным миром» и начинает с указания на то, что этот мир, отделяя Швецию от России «озерами, болотами, реками», дает стране безопасность. Россия занимает крупную часть Европы и Азии, и ее могуществом не должно пренебрегать, она победила три татарских царства: Сибирь, Казань, Астрахань. А самое важное — это уступка в пользу шведов со стороны такого могущественного государства, как Россия, крепостей: Ивангорода, Яма, Копорья, Нотебурга и Кексгольма — с прилегающими к этим крепостям земельными владениями. Отныне, радуется король, Финляндия защищена большим Ладожским озером, Эстляндия — Нарвой и Ивангородом. Очень любопытно отметить, что все эти отнятые у русских земли Густав Адольф еще обозначает в этой своей речи старым, традиционным, идущим от древнего Новгорода названием «Водской пятины», граничащей «с трех сторон: с Балтийским морем, Ладогой и Пейпусом»³.

В речи короля перед стокгольмским риксдагом, произнесенной 16 августа 1617 г., Густав

Адольф и не думает ссылаться на какие-либо исторические или юридические права Швеции на отнятые у России земли. Но ни ему, ни его слушателям совершенно не интересно и не нужно придумывать какие-нибудь объяснения или оправдания — победителя не судят.

Вот наиболее характерные слова Густава Адольфа: «Итак, я надеюсь на Бога, что и русское войско также... не перепрыгнет и не проскочит через этот ручей (*ofwer denna backen at hoppa eller springa*)»⁴.

Но прошло всего восемьдесят лет, и русские при Петре перешагнули через «ручей» и одолели «преграду», сооруженную Густавом Адольфом из их же собственных, отнятых силой владений.

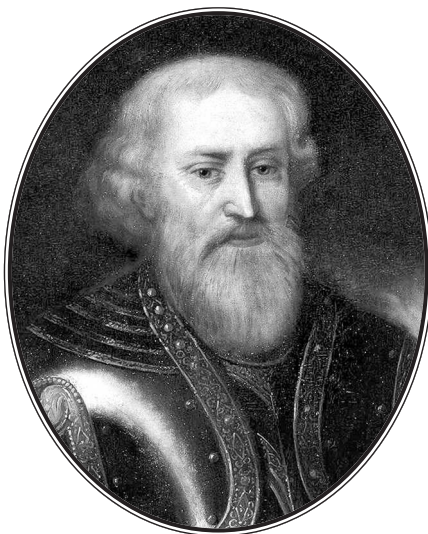
Недаром шведские послы при Столбовских переговорах так «сердитовали» на московских бояр, что те ни за что не соглашались вставить в договор ручательство «за наследников царя и будущих царей» и вовсе не желали обещать, что эти «будущие цари» обязаны будут соблюдать условия Столбовского договора⁵. Напротив! В Москве не скрывали, что считают этот договор несправедливостью и грубым насилием.

В Европе знали очень хорошо все те, кто интересовался международными отношениями, что в Москве еще в середине XVII в. очень болезненно переживали и вспоминали тяжелые условия навязанного России Столбовского договора. Гуго Гроций, бывший в переписке со знаменитым шведским государственным канцлером Акселем Оксеншерной, сравнивал чувства русских, вспоминающих об отторгнутых шведским насилием стародавних русских владениях, с чувствами ан-

гличан, которые вспоминают об отнятом у них французами старом британском владении — Нормандии⁶.

В Москве и в самом деле никогда не забывали о насильственно отнятых у русских прибалтийских «вотчинах и дединах» и никогда не считали условий Столбовского трактата окончательными. Когда возникла агрессивная война шведского короля Карла X против Польши, царь Алексей Михайлович без колебаний начал войну против Швеции, ни за что не желая такого нового соседа для Белоруссии, как Швеция. Тотчас же было затронуто больное место, и русский дипломат князь Данила Мышецкий убеждал датчан соединиться против шведов с русскими, потому что шведский король желает один завладеть Варяжским (Балтийским) морем. Русские вступили в Динабург и по дороге к Риге в Кокенгаузен (древний русский Кукейнос) и Дерпт (старый русский Юрьев). Все это было в июле и августе 1656 г., и московская рать уже осадила Ригу, хоть и без успеха. А когда замечательный дипломат старой Руси Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин был послан заключать мир с Швецией, потому что этого требовала изменившаяся политическая обстановка в Польше и на Украине, то он очень хлопотал о том, чтобы Ливония осталась за Россией. Но миновала более или менее выгодная для Москвы общеполитическая обстановка, и мечта Ордин-Нащокина оказалась совершенно неисполнимой. Мир был заключен в 1657 г. «вничью». Правильный государственный расчет говорил и Алексею Михайловичу, и Ордин-Нащокину, и князю Мышецкому, что война с Польшей — дело второстепенное, а уничтожение ненавистного Столбовского договора, лишаящего русский народ возможности нормального экономического и политического роста, должно стоять на первом плане. Но великое государственное дело пришлось отложить еще на четыре десятилетия.

Самый значительный по глубине мысли и широте политического кругозора дипломат допетровской Руси боярин Ордин-Нащокин всегда стоял за дружбу с Польшей и за мирные

Артамон Сергеевич Матвеев.
Художник Йоханнес Фоллевенс. 1700 г.

отношения с Турцией во имя энергичной политики против Швеции и возвращения старых русских прибалтийских владений, в интересах продвижения Русского государства к морю.

Даже и тогда, когда ближайшим боярином царя Алексея Михайловича по внешнеполитическим делам стал Артамон Сергеевич Матвеев, в глазах которого вопрос о новых границах Москвы с Польшей казался первоочередным, русская дипломатия буквально при каждом случае официальных переговоров со шведами не переставала заявлять устами своих представителей об Ингрии, о «ли-

вонском» (точнее, эстонском) Юрьеве, о Карелии, о возвращении всех этих русских «вотчин и дедин», городов Яма, Ивангорода, Копорья, Орешка-Нотебурга, Ругодива-Нарвы, Корелы-Кексгольма, Юрьева-Дерпта и т. д. И когда Софья-правительница возобновила в 1684 г. Кардисское соглашение с шведами, то ее представители, — которым велено было подтвердить мирные отношения с Швецией, чтобы развязать тогда России руки на юге для действия против турок и Крыма, — даже и тогда, не требуя, конечно, пока от шведов удовлетворения своих претензий, успели, однако, вернуть заявление об этих русских землях, отторгнутых насильственно Швецией в годы Смуты.

Но твердая национальная традиция, жившая в русском народе, никогда не отказывалась от отнятых шведами русских территорий на берегах Финского залива.

И когда, например, посадский человек Колягин просит взыскать с жителей шведской Нарвы должную ими сумму по большой товарной операции (за лен и пеньку), то истец именуется ответчиков «ругодивными жителями»⁷. Этот документ — а он не один — характеризует также обширные торговые связи русского Севера с захваченными Швецией бывшими русскими владениями.

Не только Петр и его приближенные считали и называли сплошь и рядом Нарву Ругодивом, Дерпт — Юрьевом, Кокенгаузен — Кукейносом, Нотебург — Орешком, Ревель — Колыванью,

Кексгольм — Корелой, но и новгородские крестьяне иначе не называли Ингрию (Ингерманландию), как по-староновгородски, когда она была одной из пятин «господина Великого Новгорода» — Водской пятиной. Вот как, например, начинают крестьяне Новгородского уезда свою челобитную, поданную ими царю в 1718 г., говоря о разорении времен Северной войны: «В прошлых годах неприятельские шведские воинские люди приходили в твою, государь, сторону, в Водскую пятину... церкви Божий и помещиков наших дома и деревни пожгли и разорили без остатку...» А после взятия Петром этих старых русских владений, уже после возвращения «Шлютенбурга» — Орешка, продолжают челобитчики, «учали мы, нижепоименованные немногие люди в старых своих деревнишках селиться». Водская пятина, а за ней и другие русские прибалтийские «вотчины и дедины» были возвращены России после упорной, опасной, кровопролитной борьбы против Швеции.

Могучие социально-политические и экономические потребности широкого беспрепятственного развития страны, повелительные нужды обеспечения ее обороны от западных соседей диктовали русскому народу уже давно — с XVI в. особенно настойчиво — необходимость овладеть Балтийским побережьем. Без успешного завершения этого дела Россия рисковала стать со временем колонией или полукolonией Запада.

Как одна из крупнейших индивидуальностей мировой истории, личность Петра подвергалась, естественно, самым разнообразным оценкам. И как человек, и как законодатель, и как администратор, и как дипломат, и как полководец он всегда был в центре внимания всех, изучавших его время. Одни превозносили его выше облака ходячего и не желали усматривать ни одного пятна на его исторической репутации, его именем охотно пользовались официальные и официозные историки в целях монархической пропаганды. Другие, в частности славянофилы, старались очернить его. Они, как выразился о них Некрасов, «в Москве восхваляли с экстазом допетровский порядок вещей», причем тоже, как и их официозные оппоненты, с жаром прославляли царизм, но только пользовались для этого больше образами первых царей из дома Романовых, противопоставляя их Петру. Революционные демократы — А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Белинский высоко оценивали реформаторскую деятельность Петра и считали его могучим деятелем прогресса.

Боярин А. Л. Ордин-Нашокин.
Неизвестный русский художник. Конец XVII в.

Позднейшая монографическая разработка истории России эпохи Петра и общий анализ его личности в дореволюционной дворянской и буржуазной историографии сильно отставали от научных требований и не пошли в общем дальше идеалистических концепций С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, произвольных и часто просто фактически необоснованных высказываний В. О. Ключевского и т. п. Дворянская и буржуазная историография оказалась совершенно «без руля и без ветрил», когда пробовала дать сколько-нибудь широкую и обоснованную концепцию внешней политики России в начале XVIII в. Отдавая дань исключительным свойствам ума и характера Петра I и его бесспорным заслугам перед русским народом, представители этой дореволюционной историографии часто повторяли ошибки восторженных западников вроде Грановского (плакавшего от умиления, глядя на изображение Петра) или даже несравненно более осведомленного и далекого от романтических увлечений исследователя вроде Соловьева и очень многих его учеников, которые склонны были преувеличивать роль реформатора.

Если эпоху Петра никогда не оценивала сколько-нибудь научно старая либерально-

буржуазная историография конца XIX и начала XX в., стоявшая на идеалистических позициях, то много неправильного и необоснованного в оценке этого периода внесла затем также ошибочная концепция «школы Покровского», стремившаяся свести к нулю личную роль Петра на основании слишком прямолинейно примененного и слишком узко истолкованного бесспорного положения, что не личности, а видоизменения в способах производства и производственных отношениях являются основной движущей силой истории. Более современная историческая наука выработала свою концепцию, исходя в оценке эпохи Петра I из всестороннего анализа как внешнеполитической обстановки того времени, так и глубинных социально-экономических процессов внутреннего развития России.

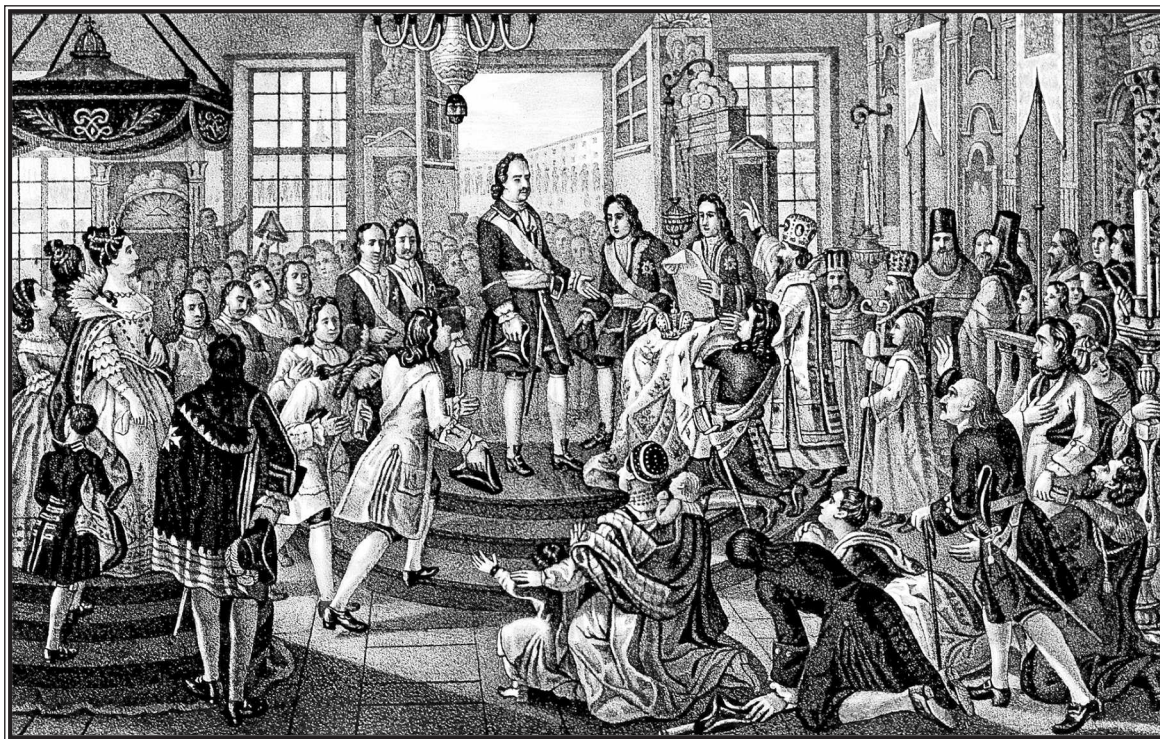
Петр привлекает к себе наше внимание прежде всего как дипломат, как воин, как организатор победы. Это требует сосредоточения внимания, поскольку речь идет о личности Петра, на двух главных вопросах. Во-первых, правильно ли понял Петр повелительную внешнеполитическую задачу и потребности России? Во-вторых, верно ли и целесообразно ли он действовал как руководитель в войне и дипломатии для достижения успеха в страшной и необычайно долгой борьбе против врага с Запада, которую русскому народу пришлось вынести на себе? Эти вопросы при анализе сложной личности Петра имеют прямое и непосредственное касательство к истории победоносной, сокрушающей победы русского народа над шведскими захватчиками...

Русская дипломатия относительно всех европейских держав вообще отличалась большой продуманностью и осторожностью. Петр умел подчинять порывы своей страстной, эмоциональной природы холодным велениям разума и политической выгоды. Он знал, например, что его союзник, король Польский Август II, обманывает его на каждом шагу, что он увенчал в 1706 г. свои мелкие предательства крупной изменой, когда за спиной России заключил с шведами сепаратный мир, о котором царь узнал, лишь когда все было кончено. И однако Петр долгие годы делал вид, что простил все прегрешения Августу, потому что ему необходимо было поддерживать в Польше враждебную Станиславу Лещинскому антишведскую партию, продолжавшую надеяться на возвращение Августа в Польшу. Но когда после Полтавы Август в самом деле вернулся на польский престол и, осмелев и приобретившись, заикнулся о правах Польши на часть

Ливонии, Петр тотчас же осадил его, заявив, что так как Ливонию заняли русские без малейшей помощи Августа, то за русскими она и останется. Он очень рано, по-видимому, понял также, что Англия может лишь временно быть враждебна Швеции, потому что Карл — союзник Франции, с которой Англия ведет долгую ожесточенную войну, и еще потому, что она желает приобрести Бремен и Верден для Ганновера, но что стоит Франции заключить мир с Англией, и англичане будут усиленно, всеми мерами, и открыто, и тайно, вредить России и препятствовать русскому преобладанию на Балтийском море и на севере Германии. Это, разумеется, не значит, что Англия не боролась всячески против России задолго до той поры. Можно сказать, что со времен появления Ченслера и начала русско-английских торговых отношений при Иване Грозном англичане стремились препятствовать активности и участию русского купечества в морской торговле. И чем решительнее проявлялось стремление России закрепиться на балтийских берегах, тем враждебнее делалась позиция англичан. И не только с экономической, но прежде всего с политической точки зрения укрепление России на море шло вразрез с планами британского кабинета. В этой скрытой, а затем и довольно открытой долгой борьбе с Англией Петр искусно пускал в ход угрозу разрыва экономических отношений, зная хорошо, что в русско-английской торговле англичане заинтересованы были в тот момент гораздо больше, чем русские. Он знал также, что подобные же экономические соображения заставляют и Голландию очень считаться с желаниями и требованиями России. Англо-голландское торговое соперничество было одним из важных «инструментов» внешней политики России (как выражаются дипломаты), и Петр умело этим инструментом пользовался, зная, что многое, о чем говорится в Гааге и Лондоне, зависит от того, что делается в Архангельске.

Петр оказался не только талантливым и пронырливым дипломатом, но и высокоодаренным полководцем и военным организатором в той тяжелой борьбе, в которой русскому народу пришлось отстаивать свое будущее, а временами (в 1708—1709 гг.) свое самостоятельное существование.

Если бы можно было характеризовать его дипломатическую деятельность чисто отрицательными признаками, т. е. указывая на те свойства, которых у Петра не было, то можно сказать: в Петре-дипломате не было и тени авантюризма. Он

Петр I принимает титулы отца Отечества, Всероссийского императора и Великого в 1721 году.

Литография Б. А. Чорикова из альбома «Живописный Карамзин». 1836 г.

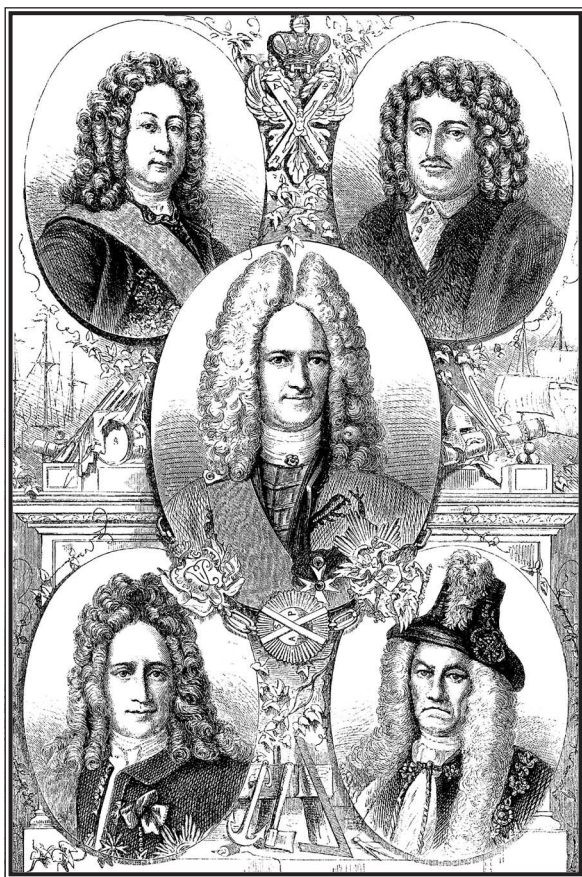
поставил себе цели, повелительно диктовавшиеся неудовлетворенными экономическими потребностями России в свободном выходе к морю, в возвращении старых, насильственно отнятых чужеземцами в XVI—XVII вв. русских балтийских берегов, без чего было бы немыслимо думать о сколько-нибудь широком развитии экспортной и импортной торговли и вообще о непосредственных сношениях с Западом. Вовсе не авантюрные завоевательные претензии и честолюбивые фантазии приковывали мысль Петра к Балтийскому морю, но невозможность и даже опасность откладывать надолго выполнение задачи, которая была осознана еще в XVI—XVII вв.

В дореволюционной русской историографии, если (и то с большими оговорками) исключить С. М. Соловьева, Петр как полководец в общем был оценен недостаточно и ненаучно. Гигантская общегосударственная, реформаторская деятельность Петра заслоняла перед умственным взором историков его руководящую роль в военных событиях.

Петр был душой русского верховного командования, он исправлял много раз промахи Шереметева, Репнина, Боура, Меншикова

и Апраксина, не говоря уже об Огильви. Даже в самой краткой характеристике Петра, сделанной В. О. Ключевским в IV томе его известного «Курса русской истории», читаем: «...он (Петр. — Е. Т.) редко становился и во главе своих полков, чтобы водить их в огонь, подобно своему противнику Карлу XII». Сделав неизбежную, конечно, оговорку о Полтаве и Гангуте, совершенно разрушающую, кстати сказать, все его предшествующие утверждения, и совсем забыв о Лесной, Ключевский продолжает: «Предоставляя действовать во фронте своим генералам и адмиралам, Петр взял на себя менее видную, техническую часть войны; он оставался обычно позади своей армии, устроил ее тыл, набирал рекрутов, составлял планы военных движений, строил корабли и военные заводы... всех ободрял, понукал, бранился, дрался, вешал, скакал из одного конца государства в другой, был чем-то вроде генерал-фельдцейхмейстера, генерал-провиантмейстера и корабельного обер-мастера»⁸.

Деятельность Петра и его колоссальная переписка свидетельствуют, что на войне он был прежде всего полководцем, стратегом, а уж потом «провиантмейстером» и «фельдцейхмейстером».

Сподвижники Петра: граф Б. П. Шереметев (вверху слева); граф Ф. А. Головин (вверху справа); князь А. Д. Меншиков (в центре); граф Г. И. Головкин (внизу слева); граф Я. В. Брюс (внизу справа).

Гравюра. 1894 г.

Что Петр был первоклассным полководцем начала XVIII столетия и что в самом деле за прошлые века очень мало можно насчитать сражений, которые, как Полтава, обличали бы такую зрелую продуманность в подготовке и развитии боевых действий, такое проникновение в психологию противника и такое умение использовать его слабые стороны, с этим не будет спорить никто, сколько-нибудь добросовестно и беспристрастно изучивший петровскую документацию.

Даже в самой краткой характеристике Петра как организатора армии должно упомянуть об одном традиционном извращении истины в старой историографии. Мы говорим о преувеличении роли иностранцев как помощников и чуть ли не «руководителей» Петра в проводившихся им реформах. При этом прежде всего с великим по-

чтением поминают шотландца, бывшего долго на австрийской службе, фельдмаршала Огильви, приглашенного Петром, по совету Паткуля, на русскую службу и пробывшего в России с середины 1704 г. до сентября 1706 г.

На примере Огильви можно иллюстрировать всю ошибочность преувеличений историков Германа, Брикнера, Валишевского и др., которые приписывают приглашенным Петром иностранцам чуть ли не главную заслугу в создании русской регулярной армии. Но Петр «...сообразовался с предложениями советников из иностранцев лишь настолько, насколько их проекты соответствовали его личным взглядам. Таким советником, как известно, был Огильви, наметивший в 1704 г. целый план организационных мер. ...Из плана Огильви были заимствованы лишь общие идеи... Но затем дальнейшие меры государя резко расходятся с предложениями Огильви»⁹.

И в гневную минуту Петр, говоря об иностранных офицерах и генералах, прибежал к таким обобщениям, как, например, после измены немца Мюленфельса под Гродно в январе 1709 г., когда он рекомендовал Меншикову доверять ответственные посты природным русским людям, а не «сим плутам», зная, что в громадном большинстве случаев иностранцы, если не все «плуты», то смотрят на свою службу в России как на своего рода отхожий промысел. Добудут денег и чинов — и уедут к себе. И, конечно, не свои слова, а петровские передал Шафиров Меншикову по поводу навсегда покидавшего, в сентябре 1706 г., русскую службу фельдмаршала Огильви: «Не взирая на все худые поступки, надобно отпустить его с милостью, с ласкою, даже с каким-нибудь подарком, чтобы он не хулил государя и ваше сиятельство; а к подаркам он zelo лаком и душу свою готов за них продать»¹⁰. А ведь Огильви был как военный администратор не из самых худших и если чуть не погубил русскую армию в Гродно, противясь приказам Петра о быстрейшем уходе из города, то лишь потому, что, вероятно, был не весьма даровит как стратег и тактик. По крайней мере Петр его в измене не обвинял, хотя непонятное ослушание и упорство в Гродно вели русскую армию прямиком к катастрофе.

После горького опыта с Огильви Петр уже больше фельдмаршалов за границей не искал и не нанимал. Как правило, для многих иностранцев, вступавших на русскую военную службу, эта служба являлась в точном смысле слова отхожим промыслом: послужил, наворовал и возвращаясь к родным пенатам в Мекленбург, или в Пруссию,

или в Голштинию вкушать под старость отдохновение от трудов. «Весьма корыстный человек этот Шиц и никакого стыда в корысти не имеет: генералу Боуру говорил, что он для того только и в службу вашего величества пошел, чтоб, идучи через Польшу, сумму денег себе достать», — так доносил с прискорбием Петру князь В. В. Долгорукий по поводу генерал-квартирмейстера русской армии, стоявшей в Польше в 1711–1712 гг., некоего Шица. Конечно, особенно удивляться тут нечего: на службу в Россию шли из чужих земель не лучшие, а скорее худшие элементы, часто такие, под ногами которых дома, как в XVIII в. выражались, начинала почему-либо «земля гореть», и они предпочитали на время отбыть из собственного отечества во избежание неприятностей, подальше от греха. Но корыстолюбие было далеко не главным их пороком. Да и какие «генерал-квартирмейстеры» любого происхождения клали тогда охулку на руку? Хуже всего была невозможность гарантировать армию от шпионских проделок и вечной готовности к измене со стороны этих пришельцев. Были, конечно, и исключения.

Но Петр явственно стремился по возможности отделаться от иностранцев в командном составе.

Характерен почти никогда почему-то не цитируемый историками указ Петра от 31 января 1721 г. Петр воспрещает вновь принимать на службу во флот тех иноземцев, которые уже там служили и были уволены, получив отставку. Как только явилась возможность наконец заменить их русскими, иноземцы были уволены. Самое интересное, что, дозволяя этим уволенным проживать «для прокормления своего в С.-Петербурге и на Котлине-острове», царь ставит им тут же такую любопытную «кондицию», чтобы они, по возможности, не занимались шпионством: «...только на такой кондиции, что им жить, яко подданным ц. в. (царского величества. — *Е. Т.*) со всякой верностью и в сторону неприятеля... ни с кем корреспонденции никакой ни о чем не иметь»¹¹. И даже если узнают о чужой измене, так чтобы извещали.

Однако то, что было возможно в 1721 г., еще было нелегко провести в первые 10–15 лет войны, когда подготовленных русских было еще не так много, как было нужно.

Военная деятельность Петра менее бросалась в глаза, чем, например, личное вмешательство в непосредственные боевые действия Карла XII. Тогда как Карл XII ничего не щадил для эффек-

та, для возможности лишний раз заявить о молодецком налете, о бегстве врага и т. д., даже если никакого полезного стратегического результата этот успех дать не мог, Петр не терпел подобных проявлений лихости без определенных целей.

Мы увидим в дальнейшем изложении, как проявились таланты Петра в выработке и, главное, в последовательном осуществлении стратегического плана, созданного им в Жолкиеве, в спасении русской армии и выводе ее из Гродно, в победе под Лесной, в победе под Полтавой. Здесь пока достаточно ограничиться этими общими замечаниями.

Обратимся теперь к уяснению целей, какие ставила со своей стороны Швеция, и постараемся дальше хоть в самом сжатом виде охарактеризовать человека, который ею самодержавно правил и который на попытке погубить Россию погубил могущество Швеции...

В 1700 г. Россия начала (точнее, возобновила) свою историческую вековую борьбу за насильственно отторгнутые от нее земли.

И по содержанию и по изложению очень ценным является для того, кто хочет дать себе отчет в настроениях русской дипломатии в 1700 г., документ, хранящийся в фонде Шведские дела нашего Архива древних актов и озаглавленный «Выписка из старых дел с рассуждением о Швеции, за что война началась»¹².

Прежде всего наш документ утверждает, что не только Карелия и Ингрия издревле к России принадлежали, но что российские государи даже и «сами корреспонденции не имели» с королями Шведскими, а все трактаты и пересылки принуждены были короли Шведские «чинить с наместники новгородскими». До такой, мол, степени речь могла идти лишь о пограничных делах этих русских провинций с местными шведскими властями. Кроме того, и «болшая часть от провинций Лифляндии и Эстляндии принадлежала под область и протекцию российскую», так же как город Юрьев Ливонский, «по-немецки Дерпт названный», основанный еще в 1026 г. «российским великим князем Ярославом Георгием», а также Кольвань, названный потом по-немецки Ревелем. Законность и древность русских прав на эти земли безусловна: «...и хотя временами оные провинции от российского владения при противных конъюнктурах и отступали, однако ж паки иногда договорами, иногда же и оружием к оному присовокуплены бывали, как и во время великого князя Александра Невского отступившая была провинция Лифляндия паки оружием

под влияние его приведена, и дань на них погодная наложена»¹³.

И при «нареченном первым собирателем» Иване III, и при Василии, и Иване IV все эти земли оставались за Россией. И хотя в 1554 г. король Шведский Густав I «за некоторые ссоры начал против России войну, но не видя себе прогрессов (*sic!* — Е. Т.), присылал к его царскому величеству послов Штейна и Эриксона с товарищи просить о мире», и «тогда учинено перемирие на сорок лет, с такой, однако ж, кондицией, чтоб пересылку шведским королям иметь по-прежнему с наместниками новгородскими». А в 1560 г. это перемирие подтверждено при новом короле Эрихе «через новгородских наместников». Но обстоятельства изменились, и не только уже в 1564 г. Эриху снова дано право сноситься непосредственно с царем, но Иван IV «уступил королю Шведскому из своих наследных земель город Ревель с некоторым дистриктом да из Лифляндии Пернов с некоторыми местечками» и позволил шведам в наследственном русском городе Нарве торговать («иметь свободное купечество»). Но зато король Эрих обязался не покушаться на прочие города лифляндские и эстляндские, «а имянно на Ригу с принадлежностями, яко его царского величества наследные и под его протекцией обретающиеся»¹⁴. Но после того, как Эрих был низвергнут с престола братьями, в Швеции были арестованы русские послы, и началась в 1572 г. война, во время которой Россия потеряла в 1578 г. Нарву, Ям, Копорье и в Карелии Кексгольм. Но война продолжалась, и русские не соглашались на мир. Долго «съезжались со обеих стран» и спорили послы на реке Плюсе, близ Нарвы, но «за спорами о провинциях Лифляндии и Эстляндии, Ревеле о мире не согласились, но учинили только перемирие на четыре года»¹⁵. В 1594 г. наконец, на реке Нареве, русский окольный Иван Тургенин и шведский представитель Стен-Барен подписали «трактат вечному миру»: король Шведский уступил русским только Карелию, а русские уступили шведам Нарву и Ревель. Ингрия и Карелия «остались по тому вечному миру во владении российском».

Переходя к событиям начала XVII в., наш документ отмечает коварное поведение шведов. Царь Василий Шуйский вынужден был просить короля Карла IX о помощи «против поляков и изменников». Шведы послали отряд под начальством Делагарди, но Делагарди, получив все условленные субсидии от Шуйского, изменил, вошел в сношения с польским гетманом Жол-

кевским и стал грабить и разорять Россию вместе с поляками. Делагарди предательски вошел в Новгород, разграбил город, разгромил монастыри и церкви и всю область, а затем отобрал русские города Орешек, Корелу, Ивангород, «с принадлежащими к ним провинциями, с разлитием немало крови».

После избрания Михаила шведы решили войны против России не прекращать и все свои незаконные захваты удержать. Царь Михаил Федорович обратился в 1615 г. за посредничеством («о добрых средствах к примирению») к Англии и другим державам. Король Английский прислал царю Ягана Мерики, а Голландия послала в Швецию Рейна фон Бредера, но посредники мало помогли. Шведы из Новгорода не уходили и еще более жестоко его грабили и осадили и грозно усиливали осаду Пскова. Шведы и слышать не хотели об уступках. Они соглашались лишь вернуть дотла ими разоренный Новгород и, «видя бессилие российское, нимало от своих претензий отступать не похотели, угрожая вступлением с сильным войском внутрь России». При тогдашнем положении оставалось уступить грубому насилию и угрозам врага, имевшим вполне реальный смысл.

27 февраля 1617 г. в деревне Столбове (между Тихвином и Ладогой) был подписан мир «невольной» для избавления России от крайнего разорения. Шведы получили все, чего хотели: «провинции и Ижорскую и Карельскую купно с Иваном-городом, Ямами, Копорьем и Орешком и со всеми ко оным принадлежащими землями и островами морскими за устьем Невы реки обретающимися»¹⁶. При этом Россия отказывалась от прав на Ливонию и Эстляндию.

13 января 1700 г. в Гааге был подписан союзный договор между Швецией, Англией и Голландией¹⁷. Но в том же 1700 г. произошли события, которые привели к заключению другого договора, прямо направленного против Швеции: договора между Данией, королем Польским (он же наследственный курфюрст Саксонский) Августом II и Петром I. Эта дипломатическая комбинация превратила Англию и Голландию из «союзников» Швеции в осторожно выжидающих наблюдателей. А последовавшее вскоре начало войны за Испанское наследство, когда Швеция оказалась во французском дипломатическом лагере, привело к тому, что враги Франции — Англия и Голландия — заняли формально враждебную позицию относительно Швеции. Но неодинаково они относились к России: Англия довольно